

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

кончиною Апостоловъ? Они спѣшатъ на тѣ же мученія и, въ свою очередь, дѣлаются сѣменемъ для новыхъ христіанъ. Чѣмъ болѣе ихъ умерщвляютъ, тѣмъ болѣе они умножаются, такъ что вмѣсто одного убитаго, тысячи окружаютъ эшафоты съ пламеннымъ желаніемъ взойти на нихъ. Свирѣпость мученій, по словамъ Тертуліана, служила приманкою для христіанъ. Tertull. Apol. L.

Павелъ, изъ гонителя обратившись въ Апостола, находить множество подражателей, которые почитаютъ за высокую честь изъ палачей сдѣлаться жертвами, «Мы существуемъ только совчерашняго дня, говоритъ Тертуліанъ,» и уже наполняемъ все: ваши города, острова, крѣпости, деревни, собранія, поля, дворцы, сенатъ, судилища.» (Тамъ же. XXVII). Такому многочисленному количеству христіанъ легко было отмстить своимъ притѣснителямъ: убѣжавъ отъ нихъ они могли обратить ихъ государство въ обширную пустыню; или же, съ такимъ великодушнымъ презрѣніемъ къ жизни, противопоставить силу ихъ жестокости, они могли заставить въ свою очередь дрожать своихъ враговъ; но, покоряясь своей священной обязанности, они не только добровольно подчиняются имъ, но еще воздыхаютъ о страданіяхъ за Христа. Пренебрегая поражающими ихъ ударами, они уважаютъ руку, наносящую ихъ и подъ тяжкимъ гнетомъ своихъ тирановъ, они не перестаютъ молиться за благоденствіе ихъ. Такимъ образомъ, подвергаясь гоненіямъ одному за другимъ и непрерывно укрѣпляясь и возрастая по мѣрѣ усилій, употребляемыхъ для уничтоженія христіанства, оно наконецъ восходитъ на престолъ и возвышаетъ символъ своей побѣды на коронѣ Римскихъ Кесарей. Такъ совершилось пророчество И. Христа о гоненіи на Его Церковь; такъ должно было исполниться и другое пророчество о ея побѣдѣ: *И будутъ царіе кормители твои: до лица земли поклонятся тебѣ, и прагъ ногъ твоихъ оближутъ.* Ис. XLIX. 23.

(звѣрковъ)

«Здѣсь видѣнъ перстъ Божій!» вскричали послѣ долгаго упорства мудрецы Фарабовы, пораженные чудесами Моисея и своимъ безсиліемъ подражать ему. Но невѣрующіе нашего времени, которые, при видѣ болѣе блистательныхъ чудесъ, упорствуютъ въ незнаніи ихъ Совершителя превосходятъ своимъ упорствомъ виновности древнихъ мудрецовъ въ томъ, что не имѣя возможности отрицать подчиненіе міра евангелію, они оспариваютъ Бога его великое чудо. Чему же они приписываютъ его? Чѣмъ могутъ увѣрить, что вселенная сотворена безъ достаточной причины и что христіанская пропаганда сложилась сама собой? Могутъ ли они доказать, что учрежденіе его дѣло естественное и усвоеніе его человечествомъ произошло вѣдѣствіе его собствен-

ныхъ побудительныхъ причинъ? Если, по ихъ мнѣнію, это великое дѣло составилось *безъ причины*, то какимъ образомъ такое грубое, удобное для провѣрки заблужденіе могло восторжествовать вдругъ надъ всеми просвѣщенными умами, человѣческими предрасудками, сердечными страстями, авторитетомъ языческихъ законовъ? Какаа тайная прелесть могла убѣдить челоѳичество цѣлаго міра пожертвовать этому заблужденію своими вкусами, наклонностями, удовольствіями, интересами, даже честию и жизнью? Этого такая непостижимая тайна, такое удивительное чудо, которое, кажется, превосходить все прочія отвергаемыя невѣрующими.

Если они приписываютъ вѣрѣ *человѣческими побудительными причинами*, то какое же оружіе доставило Евангелію эту блистательную побѣду? Какія естественныя причины могутъ дѣйствовать вдругъ въ самыхъ отдаленныхъ между собою странахъ, господствовать надъ всякимъ возрастомъ и поломъ, надъ всеми сословіями, правами и обычаями, распространять свое вліяніе на всякое время, мѣсто и обстоятельства съ такою могущею ственною силою, что возбуждаютъ къ жертвамъ всякаго рода? Какая естественная причина могла произвести такой совершенный переворотъ въ цѣломъ челоѳичествѣ?

Если они видятъ въ христіанствѣ *видухъ византской партіи, приверженность къ своей сектѣ*, то Тертуліанъ еще за шестнадцать столѣтій отвѣтилъ на этотъ вопросъ: «Мы были вѣкогда ваши: христіаниномъ не родятся; но дѣлаются имъ.» Tertull. Apol. XVIII. Проникнутые духомъ своей партіи не позволяютъ себѣ измѣнить ей; если же оставляютъ свою секту, то очевидно, не имѣютъ къ ней приверженности. Въ подобномъ упорствѣ можно по справедливости обвинить язычниковъ, отказывающихся принять Евангеліе, но никакъ не христіанскихъ прозелитовъ, первымъ дѣломъ которыхъ было уничтоженіе своихъ старинныхъ мнѣній и предрасудковъ.

Если они объясняютъ принятіе новой религіи *непостоянствомъ народа, его природною легкостью характера или наклонностію къ новизнѣ*, — то известно, что непостоянство не можетъ упрочить начатаго преобразования; легкость характера не способна на глубокую преданность; безпечная наклонность къ новизнѣ не рѣшается на тягостныя жертвы.

Если они видятъ въ этомъ *любовь къ прекрасному*, — тогда эта самая причина должна была удержать народы въ ихъ первобытной религіи. Языческіе вымыслы и примѣры ихъ боговъ гораздо болѣе

могли плѣнять чувственную натуру язычника, нежели высокія тайны и строгія заповѣди нашей божественной религіи.

Если они приписываютъ это дѣло *легковѣрью и склонности вопить въ чудеса*,—то эти самыя чудеса, требующія самыхъ тягостныхъ жертвъ, принимаются не иначе, какъ послѣ самаго точнаго изслѣдованія, потому что нѣтъ человѣка, который позволилъ бы умертвить себя вслѣдствіе собственнаго легковѣрія. И откуда явилась у Апостоловъ эта изумительная мощь убѣдить всѣхъ людей въ видѣніи чудесъ, которыхъ они никогда не видѣли въ дѣйствительности? Подобное чудо было бы самое невѣроятное изъ всѣхъ, потому что не могло происходить ни отъ Бога, ни отъ людей.

Если они предполагаютъ въ этомъ дѣлѣ *вышее развитіе человеческаго разума*, появившаго наконецъ нечѣстность язычества,—тогда сами невѣрующіе противорѣчатъ себѣ. Если, по ихъ мнѣнію, разумъ народовъ того времени привелъ ихъ къ христіанству, какимъ же образомъ разумъ нашего времени долженъ отклонять отъ него? Если, убѣжденіе язычниковъ въ нечѣстностяхъ идолопоклонства произвело успѣхи въ пользу христіанства, то почему же эти нечѣстности не были замѣчены до сихъ поръ, пока завѣса, покрывавшая ихъ, не была поднята руками Апостоловъ? Кто далъ ихъ голосу силу пробудить человѣчество отъ глубокаго сна, обнимающаго его въ продолженіе столькихъ вѣковъ?

Наконецъ, если невѣрующіе относятъ къ *разряду обыкновенныхъ вещей* великое чудо обращенія міра, противопоставляя ему другія доктрины, напр. Лютера и Магомета, разпространенныя подобнымъ же образомъ,—тогда пусть они представятъ параллель, сколько нибудь соотвѣтственную между распространеніемъ истинной христіанской религіи и доктринъ человеческихъ. Какую могутъ они выставить другую доктрину, которая опровергаетъ всѣ предрасудки, осуждаетъ всѣ страсти, безпредѣльно расширяетъ всякую нравственную заповѣдь; которая не поддерживается ни могущественнымъ покровительствомъ царей, ни политическимъ искусствомъ, ни многосторонними познаніями ученыхъ, ни краснорѣчіемъ ораторовъ, ни кредитомъ богачей, но напротивъ отвергая всѣ эти средства, торжествуетъ надъ ними своею святою истиною? Могутъ ли они указать такую доктрину, которая, въ своемъ угнетеніи не употребляетъ другаго оружія для своего возстановленія кромѣ терпѣнія въ страданіи; которая не проливаетъ другой крови, кромѣ крови своихъ защитниковъ; которая, возвышаясь подъ ударами, наносимыми ей, распространяется по мѣрѣ утраты сво-

ихъ членовъ? Пусть невѣрующіе сравнятъ времена Магомета и Лютера съ временами Апостольскими; средства употребленныя тѣми и другими для совершенія предпринятыхъ переворотовъ; наконецъ препятствія, побѣжденные ими; но при этомъ необходимо имѣть въ виду то, что перевороты, которымъ благоприятствуетъ и помогаетъ множество человѣческихъ принциповъ, никакъ не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми переворотами, противъ которыхъ боролись всѣ вмѣстѣ соединенныя человѣческія побудительныя причины.

И такъ, деисты, посрамляя атеистовъ своею увѣренностію въ томъ, что вселенная не могла возникнуть безъ Бога, давшаго ей бытіе, по странному противорѣчію отвергають Его; другое, еще болѣе совершенное произведеніе—эту изумительную религію, которая не могла имѣть другаго Творца кромѣ Бога. Чудесное распространеніе христіанства само собою опровергаетъ всѣ умствованія деистовъ, тѣмъ что, не смотря на всѣ ихъ софизмы, хитрость, насмѣшки и остроты, восхваляющіе страсти, предрасудки, преступное изслѣдованіе непостижимыхъ божественныхъ таинъ, вселенная все таки подчинилась вѣрѣ. Всѣ противорѣчія деистовъ разсмотрѣны, взвѣшены, оцѣнены высокими умами, желающими усвоить себѣ истину, и человечество, обезоруженное побѣдоносными доказательствами божественности христіанской религіи, произнесло торжественный приговоръ ничтожеству ихъ умствованій. И такъ, торжествующее христіанство, преодолевъ всѣ препятствія, поставленныя врагами на его пути, приобрѣло многочисленныя трофеи своей славною побѣды надъ ними. «А тотъ, кто, по словамъ блаж. Августина, требуетъ другихъ доказательствъ религіи, и новыхъ чудесъ, самъ служить удивительнымъ чудомъ, потому что вѣра цѣлаго свѣта не можетъ убѣдить его».—S. August. de Civ. Dei, lib. XXII, VIII. 1.

Иную притчу сказалъ Онъ имъ: царство небесное подобно закваскѣ, которую женщина, взявъ, положила въ три мѣры муки, доколь не вскисло все.

Мы видимъ въ этой закваскѣ символъ благодати, которая, проникнувъ въ сердце человѣка, уничтожаетъ его окаменѣлость, укрѣпляетъ его, очищаетъ, возвышаетъ любовію къ добру, возбуждаетъ къ спасительной дѣятельности. Эта таинственная закваска, т. е. первая благодать, подготовляющая человѣка къ великому дѣлу спасенія, часто бываетъ вначалѣ не примѣтна, потому что не всегда встрѣчается необходимость въ изобильномъ количествѣ для произведенія внослѣдствіи великихъ дѣйствій. Добрая мысль, святое воспоминавіе, благочестивое желаніе, легкое движеніе сердца

къ добру, назидательное чтеніе, благой примѣръ, присутствіе при богослуженіи, вниманіе къ поученіямъ, сдѣланная милостыня, побѣжденное искушеніе, скорбь, болѣзнь, утрата — вотъ драгоценная закваска, достаточная для того, чтобы со временемъ превратиться въ высокое совершенство. Тѣ изъ насъ, которые имѣли счастье получить ея, должны всѣми силами стараться укоренить ее въ себѣ; тогда она всецѣло проникнетъ наше сердце, овладѣетъ имъ и, постепенно преобразовывая его, доведетъ и къ тогдашнему совершенству, образецъ котораго представилъ намъ Самъ Господь нашъ І. Христосъ. Таковы дѣйствія благодатнаго царства Божія въ вѣрной душѣ! Благодать, незамѣтная вначалѣ, быстро возрастаетъ и такъ же прочно укореняетъ свое господство въ сердцѣ, благоговѣнно хранящемъ ее, какъ растѣніе, посаженное на доброй землѣ, разпространяетъ въ одно и то же время свои вѣтви и корни. Если мы сумѣемъ удержать первую милость Божию къ намъ, тогда она послужитъ залогомъ для пріобрѣтенія другихъ, которыя, порождая одна другую, наполнятъ добродѣтелями наше безплодное сердце, подобно тому, какъ народы, слѣдуя другъ за другомъ, въ нѣсколькихъ лѣтъ наполняютъ землю, прежде необитаемую. Здѣсь происходитъ взаимное вліяніе причинъ и слѣдствій: вѣрность души относительно благодати умножаетъ въ себѣ благодать, а умноженіе благодати усиливаетъ вѣрность души; благодать способствуетъ къ пріобрѣтенію добродѣтели, а добродѣтель — къ полученію благодати. Слѣдовательно, первый шагъ христіанина на пути спасенія требуетъ не только постоянства, но и благодатной помощи для поддержки на немъ, равно какъ примѣръ его усилъховъ олъ получаетъ и подкрѣпленія и соответствующія имъ. Проходя долиною плача и горю, наемый благословеніями небесными, правдикъ, по словамъ Пророка, *является предъ Богомъ на Сионѣ*. Псал. LXXXIII. 7. 8.

Г. ШУ

Кромѣ спасительной закваски, укрѣпляющей душу въ добръ, существуютъ къ несчастію, еще въ большемъ количествѣ, другая закваска, которая заражаетъ душу, допускающую ея укрѣпленіе въ себѣ. Это — закваска фарисейская и саддукейская, отъ которой предостерегаетъ насъ І. Христосъ, (Матѣ. XVI, 6;) закваска, тѣмъ болѣе опасная, что, по словамъ Апостола, самое малое количество ея заквашиваетъ все тѣсто. Пал. V. 9. Какъ едва замѣтная благодать Божія, благоговѣнно сохраняемая, можетъ положить начало самаго высокаго совершенства; такъ одинъ простительный грѣхъ, одинъ пренебреженный недостатокъ, одна страсть, по видимому невинная, но оставленная безъ вниманія, могутъ обратить ея въ самый постыдный порокъ. Великіе грѣшники, соблазнительная жизнь которыхъ служила поношеніемъ челоуѣчества, начали свое удаленіе отъ Бога не вдругъ смертными грѣхомъ; но посте-

пенно: одна нескромная мысль, одно неугашенное желаніе, одинъ невоздержанный взглядъ, одно свободное слово могли послужить имъ первоначальной причиною всѣхъ послѣдующихъ паденій. Можетъ быть это время первой борьбы съ искупленіемъ давно изгладилось изъ ихъ памяти и они не могутъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ невинность, постепенно уступая мѣсто пороку, наконецъ совершенно подчинилась его власти. Но, однако, это обыкновенная исторія человѣческихъ паденій: сначала начинаютъ какъ будто легкой ошибкой, которая, впрочемъ, оказывается слишкомъ тяжелою по своимъ послѣдствіямъ; потомъ, утрачиваютъ стыдливость, служащую обузданіемъ грѣха; тамъ, перестаютъ страшиться его; далѣе, думаютъ о немъ съ удовольствіемъ; наконецъ, нечувствительно сдружаются съ нимъ. Когда угрызения совѣсти вытѣснены изъ сердца, тогда заботятся: не о средствахъ заслужить милость Божію, но измѣряютъ степень, до которой можно разгнѣвать Его, не вызывая противъ себя Его ужаснаго мщенія. А между тѣмъ, благочестивыя упражненія оставлены, добрыя дѣла пренебрежены; и дошедшіе до такого нравственнаго состоянія, еще не погрузились въ пропасть, хотя и скользятъ уже на обрывѣ ея. Тогда дѣлаются нечувствительны къ уменьшенію въ себѣ благодати Божіей, видятъ предъ собою только соблазнительные образы, подъ покровомъ которыхъ таится жестокое искушеніе; и вотъ, до совершенія грѣха остается только одинъ шагъ. Захотятъ—ли остановиться на немъ? Если, имѣя столько силы побѣдить искушеніе, они уступили ему, удержатся-ли тогда, когда совершенно лишатся ея? Такимъ образомъ самое малое количество этой пагубной закваски, допущенной укорениться въ душѣ, кончается совершеннымъ пораженіемъ ея. *Все сіе Исусъ говорилъ народу притчами, и безъ притчи не говорилъ имъ; да сбудется реченное чрезъ пророка, который говоритъ: отверзу въ притчахъ уста Мои; изреку сокровенное отъ сотворенія міра.*

Многія причины убѣждали Господа І. Христа употреблять аллегорическій языкъ. Этотъ способъ разговора, введенный у восточныхъ народовъ, часто употреблялся и пророками: живому воображенію народовъ этихъ странъ нравились эти фигурныя выраженія, сильнѣе возбуждавшія вниманіе къ рѣчи, вслѣдствіе необходимости отыскать ея смыслъ. І. Христосъ, по неспособности своихъ слушателей уразумѣть великія истины, проповѣданныя Имъ, также благоизволилъ выражаться притчами, которыя приспособлялъ не столько къ развитію ихъ разума, сколько къ расположенію сердца. По замѣчанію одного изъ Евангелистовъ, Онъ наединѣ изъяснялъ смыслъ притчей своимъ ученикамъ, болѣе способнымъ и

предприимчивымъ. Марк. IV. 34. Слѣдовательно тѣ, которые не пользовались Его рѣчами, по неспособности понять ихъ, могли видеть только самихъ себя, такъ какъ Господь благоволилъ изъяснить ихъ тѣмъ, которые, вслѣдствіе пламеннаго желанія, были достойны уразумѣть ихъ. II M.

О СМиреніи.

Всматриваясь въ природу нашу, духовную и тѣлесную, нельзя не убѣдиться, что человѣку всего приличнѣе, всего естественнѣе и необходимѣе смиреніе. Смиряться свойственно слабому предъ сильнымъ, а предъ неодолимымъ, тѣмъ болѣе благимъ, со смиреніемъ необходимо и покоряться. Слѣдовательно въ отношеніи къ Богу человѣку свойственно не только смиряться всесторонне — всѣми силами, способностями и дѣйствіями своими, но и покоряться безусловно. Свойственно человѣку смиреніе и въ отношеніи къ подобнымъ ему, и къ существамъ высшимъ его, и въ отношеніи даже ко многимъ силамъ и предметамъ міра вещественнаго: ибо и въ мірѣ вещественномъ вь сѣмъ многое не по силамъ ему. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, всякъ убѣжденъ и никто не потребуетъ доказательствъ на это; но почему у многихъ и очень многихъ не всегда бываетъ въ должномъ уваженіи смиреніе, не взирая на то, что оно, какъ видно изъ слова Божія, есть наиболѣе любимая Богомъ добродѣтель въ человѣкѣ и что смиреннымъ преимущественно изрекаются Богомъ обѣтованія временныя и вѣчныя. *На кою всзрю, глаголетъ Господь, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словеса мои.* Смиритесь предъ Господомъ, и вознесетъ вы, говоритъ Апостолъ Іаковъ. *Господь бо гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.* Іак. 4, 10. Но у людей какихъ неблаговидныхъ именъ не придумано въ насмѣнку смиреннымъ! Ихъ называютъ и ханжами, и сватошниками, и безхарактерными, и слабоумными, и лицемѣрами, и проч. и проч. Отъ того ли это одного, что міръ весь во злѣ лежитъ и потому естественно ему не еходиться со всемъ небеснымъ, Божественнымъ, святымъ, или же сами смиренные подаютъ поводъ къ охуденію ихъ, неправильно выражая свое смиреніе въ поступкахъ и дѣйствіяхъ своихъ? Размыслимъ подробнѣе; что есть смиреніе; какъ оно должно выражаться въ насъ, во всей нашей жизни и дѣятельности; всѣмъ ли оно приличествуетъ въ одинаковой мѣрѣ и формѣ проявленія своего, или же должно различествовать по мѣсту, занимаемому человекомъ, по его званію и состоянію, по его отношеніямъ, по поламъ, возрастамъ и проч.

Въ св. Писаніи смиреніе противопоставляется гордости. Потому, чтобы правильно опредѣлить, что есть смиреніе, должно приписать ему качества, противоположныя качествамъ гордости, т. е. скромное, невыходящее изъ границъ умѣренности и справедливости понятіе о самомъ себѣ, о своихъ достоинствахъ и своемъ значеніи, о способностяхъ, силахъ и дѣйствіяхъ своихъ, и, сообразно такому понятію о себѣ, осуществленіе дѣйствій, поступковъ и отношеній своихъ, иначе: смиреніе есть добровольное, разумное, сознательное, чистосердечное признаніе слабости и не совершенствъ своихъ силъ и дѣйствій, и потому признаніе также необходимости для себя помощи и руководства стороннихъ, и слѣдов. здравое сознание своей зависимости и ограниченности. Что можетъ быть справедливѣе такого понятія челоуѣка съ самимъ себѣ? Ибо что есть челоуѣкъ? *Челоуѣкъ, яко правда діе его, яко цвѣтъ сельный тако отцвѣтетъ,* (Ис. 402, 15.) вѣщаетъ Духъ Божій устами царя и пророка Давида. Правда, Духъ Божій устами тогоже царепророка вѣщаетъ въ другомъ мѣстѣ: *Господи, что есть челоуѣкъ, яко помниши его? или сынъ челоуѣкъ, яко поспыщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честью вѣнчалъ еси его; и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твою, вся покорилъ си надъ нозъ его.* Ис. 8, 5—10. Но, сличивъ эту высокую Божественную мысль о челоуѣкѣ съ дѣйствительностію, находимъ, что челоуѣкъ, по назначенію своему, существо чудно, величественное, но въ дѣйствительности, въ настоящемъ поврежденномъ состояніи своемъ, жалкое и немощное. При самомъ вступленіи въ міръ какъ онъ бываетъ слабъ и немощенъ! Ни одно животное столько не нуждается въ помощи сторонней, какъ челоуѣкъ. А въ возрастахъ совершеннѣйшихъ, въ самой даже полной возмужалости какъ онъ недалновидецъ и погрѣшитель, какъ безсилна власть его надъ тѣмъ самымъ міромъ, надъ которымъ Творецъ поставилъ его владыкою! По ограниченности своей онъ можетъ ошибаться на каждомъ шагу и уже не владычествовать надъ міромъ, а поработаться міру; ища истины, легко впадетъ въ заблужденія; стремясь къ благосостоянію и довольству, часто доходитъ до крайнихъ бѣдствій, принимая вредное за полезное для себя, худое за доброе, и наоборотъ; вступая въ борьбу съ силами и стихіями природы видимой, рѣдко выходитъ побѣдителемъ, но большею частію остается побѣжденнымъ. Если къ этому присвокупляется еще вліяніе на его дѣйствія и намѣренія духа злобы, то онъ бываетъ болѣе жалокъ, нежели послѣднее существо въ мірѣ, потому что вовсе удаляется, въ такомъ случаѣ, отъ назначенія бытія своего. Таковъ бываетъ челоуѣкъ, когда живетъ и дѣйствуетъ самъ по себѣ, одними своими силами, никому и ничему доброму не подчиняясь, ни-

кѣмъ и ничѣмъ благимъ не руководствуясь. Но не таковъ онъ бываетъ, когда силы его подкрѣпляются стороннею помощію и руководствомъ подобныхъ ему: совокупностію силъ и средствъ болѣе или менѣе успѣшно преобладаются и такія затрудненія и препятствія, которыя для одного человѣка бывають вовсе неодолимы. Но несравненно еще сильнѣе и могущественнѣе бываетъ человѣкъ, когда естественныя его силы и способности просвѣтляются, освящаются и укрѣпляются благодатнымъ содѣйствіемъ Божиимъ и, по волѣ Божіей, высшими его существами нравственно—разумными. Тогда онъ дѣйствительно бываетъ не только малымъ чимъ уменьень отъ Ангелъ, но и можетъ сравниться съ ними въ могуществѣ и силѣ. Но помощь и защита, руководства и наставленія, какъ отъ Бога такъ и отъ людей, возможны только подъ условіемъ смиренія со стороны нуждающагося и, въ слѣдствіе того, благорасположенія со стороны помогающихъ. Ибо въ комъ явится охота оказать помощь и благорасположеніе надменному и презорливому, съ пренебреженіемъ къ другимъ выказывающему свое превосходство предъ всѣми? Есть въ душѣ нашей какое-то непреодолимое влеченіе принимать живое и дѣятельное участіе въ слабомъ и страдающемъ, но съ покорностію и безропотно переносящемъ свои страданія; напротивъ къ довольному и своимъ довольствомъ превозносящемуся неволью раждается въ насъ холодность и нерасположенность. Такъ-то сродно намъ смиреніе и такъ чутко и предрасположено сердце наше къ отбору всякой гордыни и превозношенія. Какъ же должно быть любезно смиреніе наше Богу, всесовершенно вѣдущему всѣ наши слабости и недостатки, напротивъ, какъ должна быть противна Ему гордость, которая первоначально породила зло въ мірѣ и доселѣ продолжаетъ порождать его! Исторія свидѣтельствуетъ, что цѣлыя царства и народы всего чаще унижаемы были Богомъ за гордость и высокомеріе. Напротивъ все великое и благодѣтельное для человѣчества вообще и въ частности совершалось смиреніемъ. Не имъ ли началось и совершилось величайшее изъ благодѣній Божіихъ роду человѣческому—искупленіе его отъ первороднаго грѣха и гибельныхъ послѣдствій его?

Смиреніе всѣмъ необходимо, и богатымъ и бѣднымъ, и знатымъ и незнатымъ: ибо безъ смиренія и Богу не угодить, и у людей не заслужишь ни благорасположенія и доброжелательства, ни руководства и наставленій. Какъ смиреніе есть столь необходимая и Боголюбимая добродѣтель; то Самъ Спаситель предлагаетъ Себя въ образецъ смиренія всѣмъ намъ, говоря: *научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*. Какъ же должно выражаться въ насъ смиреніе, чтобъ оно могло сколько нибудь

уподобляться смиренію Богочеловѣка и было бы такъ же любезно и достоуважаемо въ насъ, какъ оно любезно и величественно въ Преблагословенной Богооткровицѣ, когда Она говоритъ благовѣстившему Ей Архангелу: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. Величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы своея?*

Какъ смиреніе основывается на добровольномъ, чистосердечномъ признаніи въ себѣ слабости и недостатковъ, ограниченности и зависимости своей и потому необходимости помощи и руководства стороннихъ; то человѣку первѣе всего и естественнѣе всего быть смиреннымъ предъ Богомъ. Ибо въ рудѣ Его наша жизнь и смерть, благоденствіе и счастье; въ Богѣ вѣрнѣйшая для насъ защита и помощь, руководство и наученіе; Онъ и слабѣйшее въ насъ можетъ содѣлать сильнымъ и неодолимымъ, и сильное ничтожнымъ. Смиреніе свое предъ Богомъ человѣку прилично выражать всякимъ образомъ, во всякой видимой формѣ, какъ кому внушигъ объявленное его чувство своего недостойнства и ничтожества предъ Богомъ: прилично и повергаться въ персть, и колѣнопреклоняться, и въ грудь себя ударять, и руки къ небу простирать, и плакать, и радоваться, и восхищаться, какъ восхищалась въ душѣ своей преблагословенная отроковица при вѣсти Архангельской. Здѣсь можетъ быть одно только неприличіе: притворно, безъ сердечнаго участія смиренничать. Такое смиреніе никого не обманетъ. Сердечность, какъ электрическая искра, неотразимо сообщается другимъ и заставляетъ невольно подражать ей, не давъ времени размыслить и оцѣнить ее; напротивъ, притворство отталкиваетъ отъ себя и возбуждаетъ недовольство и укоризну такимъ смиренникомъ — лицомъромъ. Потому истинное смиреніе не пуждается въ правилахъ, какъ ему выражаться предъ Богомъ, не возбуждая ни въ комъ соблазна и глумленія: само благоговѣніе къ Богу, кротость и покорность святой волѣ Его, какъ неотъемлемыя качества истиннаго смиренія, научить смиренныхъ, какъ имъ смиряться предъ Богомъ правильно и благоприлично.

Смиреніе предъ Богомъ должно быть дѣятельное, должно обнимать и проникать собою всю нашу жизнь и дѣятельность, всѣ наши отношенія, должно простираться на дѣятельность всѣхъ нашихъ способностей и силъ, и печатлѣться на всѣхъ нашихъ мысляхъ, чувствованіяхъ, желаніяхъ и намѣреніяхъ, и потому проявляться въ самомъ образѣ нашей жизни, домашней и общественной, и въ пищѣ и питіи, и въ одѣяніи, и во взглядахъ, и въ походкѣ, и въ выраженіи мыслей, и въ самомъ слововыраженіи и сло-

вопроишоженіи. Отсюда взглянемъ, въ какой мѣрѣ люди смиренны теперь и покорны предъ Богомъ.

Всѣ вѣрующіе и исповѣдывающіе Христа Спасителя должны постепенно, чрезъ всю свою жизнь, приходить въ мѣру возраста исполненія Христова, какъ учить Апостолъ, т. е. всю свою жизнь, всѣ дѣла, мысли, чувствованія и желанія собразовать съ духомъ ученія Христова и примѣромъ его жизни. Кто такъ живетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ, тотъ смиренъ предъ Богомъ, потому что покоренъ святой волѣ Его. Такъ ли бываетъ въ наше время? Ученіе Христа Спасителя и Его Апостоловъ повелѣваетъ, напр. мыслить только благая и полезная, яже къ животу и благочестію. А въ наше время еще недоучившіеся отроки позволяютъ себѣ мыслить и въ слухъ разсуждать неуважительно и неблагопріятно для истины о самыхъ священнѣйшихъ предметахъ вѣры, о самыхъ основнѣйшихъ догматахъ откровеннаго ученія Божія, объ обрядахъ и постановленіяхъ церкви, о законахъ гражданскихъ и о самой Власти Верховной. Это ли смиреніе предъ Богомъ?! Ученіе Христово повелѣваетъ соблюдать умѣренность во всемъ и ни въ чемъ не давать пищи своему самолюбію, тщеславію и гордости. Исполняется ли это въ наше время? Еще св. Тихонъ Задонскій, бывшій пастыремъ Воронежской паствы, горько жаловался на роскошь и всякія излишества въ жизни. «Видимъ, говоритъ онъ, въ отечествѣ нашемъ роскошь, сію всепгубную язву, которая не тѣлеса, но души христіанскія заразила. Вотъ и купцы, которые прежде какъ люди простые ходили и жили, всѣ князьями и вельможами сдѣлались; не хотятъ уже жить, какъ только въ богатыхъ и красивыхъ домахъ; не хотятъ сидѣть, какъ за богатую и различныхъ свѣдѣй исполненною трапезою; не хотятъ вкушать, какъ только избраннаго и дорогаго вина; не хотятъ ходить, какъ только въ шелковыхъ и красивыхъ одеждахъ, въ лисьихъ, куньихъ и собольихъ шубахъ; не хотятъ проѣзжаться, какъ только англійскою каретою. И тако толикая суета, гордость и пышность міра сего вошла въ христіанъ и день отъ нея уможается, что ежели бы предки наши возстали изъ мертвыхъ, то не узнали бы своего отечества. Предки—де наши не знали, какъ на свѣтѣ жить; они не умѣли какъ добро употреблять. Осмотрись, друже! Кому сіе слово наше приличествуетъ: вамъ ли, или предкамъ вашимъ? Предки ваши жили въ простотѣ и смиреніи, и потому по—христіански и разумно жили; вы въ гордости и пышности живете, и потому далеко отъ христіанскаго житія отстоите. У предковъ вашихъ менѣе было роскоши, такъ болѣе благочестія, и менѣе нищихъ и убогихъ людей было. У васъ умножилось роскошей: такъ умножилось нищихъ и убогихъ. Вы начали въ богатыхъ домахъ

«жить: такъ много находится такихъ, которые хижинъ неимѣютъ, гдѣ главу подклонить. Вы начали богатую трапѣзу поставлять и дорогія вина пить: такъ многіе начали не имѣть дневнаго пропитанія. Вы стали въ богатомъ одѣяніи ходить: такъ видимъ, что многіе въ рубищахъ, многіе полунаги ходятъ. Вы захотѣли въ куретахъ и на коняхъ ѣздить богатыхъ: такъ многіе плачутъ и жалуются, что не имѣютъ чѣмъ землю пахать. Сами разсудите— вы ли, или предки ваши разумѣе? О христіане! На сіе ли Христосъ нашъ позвалъ васъ въ святую вѣру свою?» Видя разряженныхъ и разумяненныхъ жепъ, святитель Тихонъ со слезами говаривалъ: «Бѣдные христіане, ослѣпленные, смертное тѣло свое сублираютъ и украшаютъ, а о добротѣ душъ своихъ едваль когда вспоминать, кои отъ грѣховъ очернѣли, аки муришь, незнающій Бога и невѣрующій во Христа, сына Божія». Тамъ же стр. 30. «Одежда, говаривалъ онъ, «началась по преступленіи заповѣди Божіей и отъ того начало все воспріала. Видиши убо, что начало одежды грѣхъ есть. Какъ худо дѣлаютъ, которые ищутъ украшенія въ одеждахъ! То поставляютъ себѣ въ честь, и украшеніе, что показываетъ безчестіе и безобразіе; отъ того ищутъ похвалы, что обличаетъ грѣхъ; тѣмъ гордятся, что должно ихъ смирать. Кто печется о тѣлесномъ украшеніи, тому недосугъ пещися о душевномъ. Украшеніе щегольское показываетъ сердце, желающее суетной чести. Украшеніе сіе безъ обиды ближняго быть не можетъ. До нищихъ ли тому, у кого суета сія въ сердцахъ мѣсто свое имѣетъ! Большая еще суета и срамъ христіанству есть, что жены бѣлками, красками и мастями лица намазываютъ».

Уменьшились ли въ наше время тѣ уклоненія отъ смиренія христіанскаго, на которыя такъ горько жаловался Святитель Тихонъ Задонскій? Кажется, и теперь современно будетъ сказать словамъ сего Святителя, что суета эта день отъ дня умножается, и даже большіе еще противъ прежняго приняла размѣры. Не повторяется ли и у насъ то самое, противъ чего древніе пророки изрекали такія сильныя прещенія и угрозы? Какъ, напр. Пророкъ Исаія вопіялъ имепемъ Господнимъ: Исаія 1, 24—25. *Горе кривикимъ во Израилѣ: не престанетъ бо зрость моя на противныя, и судъ врагомъ моимъ сотворю; нескоряющихся же погублю, и вснхъ юрдыхъ смирю...* Наполнися бо страна ихъ злата и сребра, и не блше числа сокровищъ ихъ; и наполнися земля коней, и не блше числа колесницъ ихъ. И смрится высота человѣческая, и вознесетъ Господь единъ въ день оный. День бо Господа Саваога на всякаго досадителя, и горделиваго, и на всякаго выскочка и величаваго, и смиратся... Исаія 2, 7—22.

Благо тѣмъ, которые сами смиряются предъ Богомъ! но горе, великое горе тѣмъ, которыхъ самъ Богъ начнетъ смирать, когда гордость и надменность ихъ превънать долготерпѣніе Божіе омигнѣвъ!! Не рѣдкость въ наше время видѣть и слышать, какъ дѣти не повинуются своимъ родителямъ, вопреки заповѣди Господней, не во всемъ поступають по своему неосмысленному произволу, — какъ и старле и юные очень скоры на тяжбы и ссоры за одно неосторожное слово, за одну неумышленную погрѣшность противъ ихъ мнимо — высокаго достоинства. Такими претензіями наполнены суды наши высшіе и низшіе. Это ли смиреніе христіанское и покорность святой волѣ Божіей?!

Истинное смиреніе предъ Богомъ должно состоять не въ томъ, чтобы только являть унылое лице, облекаться въ печальную одежду, и разные показывать наружныя, безъ участія сердечнаго, знаки униженія себя, но въ строгомъ и неупустительномъ исполненіи всего того, что составляетъ истинное, дѣятельное благочестіе христіанское — чего требуетъ Божественное ученіе Спасителя и Его Апостоловъ, потому что истинное смиреніе неразлучно съ покорностію. Потому бѣдѣнъ ли кто? Не ропщи на свою участь, по благодари Бога, что Онъ не далъ тебѣ богатства, которое, представляя легкія средства на удовлетвореніе вѣхъ прихотей ненасытной плоти и легко покоряющагося ей духа, могло бы погрузить тебя во вѣ пороки и не возвратно погубить твою душу. Богатъ ли кто? Употребляй богатство свое, какъ Богъ повелѣваетъ: благодаря Бога за милость Его къ тебѣ, считай и на самомъ дѣлѣ употребляй его средствомъ къ стяжанію богатства духовнаго, на всю вѣчность потребнаго каждому. Облеченъ ли кто властію? Пользуйся ею на благо вещественное и благонравіе душевное подчиненныхъ тебѣ, и ты будешь смиренъ предъ Богомъ и наречешься сыномъ Вышняго, потому что съ покорностію къ Нему будешь исполнять волю Его, объявленную вѣмъ намъ въ святомъ откровеніи Его. Вообще кто въ какомъ званіи и состояніи поставленъ промысломъ Божіимъ, исполняй по возможности силъ своихъ обязанности своего званія, и будешь смиренъ предъ Богомъ.

Въ чемъ должно состоять и какъ должно выражаться смиреніе наше предъ Ангелами и святыми Божіими челоуѣками? Ангелы и святые люди — небожители далеко превосходятъ въ Божѣдѣніи и нравственныхъ совершенствахъ насъ, живущихъ еще во плоти и окруженныхъ со вѣхъ сторонъ многочисленными препятствіями къ нравственному усовершенствованію, и въ такимъ совершенствамъ своимъ всегда готовы съ искреннимъ участіемъ и любовію наставлять и руководить насъ къ истинѣ и добру, и съ

такимъ же участиемъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ о милости и снисхожденіи Его къ намъ. По этому тотъ не имѣеть въ себѣ смиренія, а водится слѣпою и ослѣпляющею гордостію, кто считаетъ излишнимъ обращаться съ сердечною молитвою о помощи и заступленіи къ этимъ добрымъ существамъ, благодатию Божіею просвѣщеннымъ умственно, усовершенствованнымъ и освященнымъ нравственно. Гордъ и неразуменъ человѣкъ и тогда, когда, живя въ мірѣ соблазновъ и искушеній, погрѣшностей и уклоненій отъ пути истины и добра, не только остается равнодушнымъ къ примѣрамъ высокихъ добродѣтелей и всякихъ совершенствъ въ св. угодникахъ Божіихъ, но не старается даже узнать ихъ и ознакомиться съ ними разумно. Ибо истинное смиреніе, какъ мы видѣли выше, не мыслимо въ насъ безъ истребленнаго призрачія въ себѣ слабостей и несовершенствъ, и потому безъ признанія необходимости помощи и руководствъ старшихъ. А глубокое сердечное сознаніе всего этого не можетъ не обнаруживаться въ насъ въ соответствующихъ ему движеніяхъ тѣлесныхъ. Потому и въ отношеніи къ Ангеламъ и святымъ угодникамъ Божіимъ прилично выражаться смиренію нашимъ и колѣнпреклоненіями, и воздыханіями, и слезами, и всѣми тѣми движеніями и проявленіями виѣщими, какія свойственны просящимъ и сознательно, съ искренностію, а не притворно, умаляющимъ себя.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, въ чемъ должно состоять и какъ должно проявляться смиреніе наше между собою взаимно другъ предъ другомъ, но объ этомъ побесѣдуемъ, если Богъ позволитъ въ другое время.

Священникъ *Прокофій Коропцевъ*.

НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

(Продолженіе).

Признавая взглядъ Ланге на бракъ какъ на нерасторжимый союзъ супруговъ вполне вѣрнымъ, мы не станемъ касаться другихъ сторонъ разсматриваемаго нами вопроса, на пр. о примѣненіи основнаго положенія Господа о супружествѣ³⁶⁶) въ его церкви и т. и.; потому что вопросъ этотъ можетъ быть предметомъ спеціальной разработки.

366) Мат. 5, 32.

Перейдемъ къ законоположенію о клятвѣ.

Еще слышали вы, продолжаетъ Господь, что сказано древнимъ: не преступай клятвы, но исполняй предъ Господомъ клятвы твои. А я говорю вамъ: не клянись вовсе: ни небомъ, потому что оно престоль Божій, ни землею, потому что она подножіе ногъ Его, ни Иерусалимомъ, потому что онъ городъ царя великаго. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да, нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго ³⁶⁷⁾.

Выраженіе: исполняй предъ Господомъ клятвы твои, котораго вовсе нѣтъ въ Моисеевомъ законѣ ³⁶⁸⁾, книжники и фарисеи прибавили къ заповѣди о клятвѣ для того, чтобы ограничить и отнести ее преимущественно къ обѣтамъ ³⁶⁹⁾, сопровождавшимся болшею частью клятвами, и так. обр. перенести эти послѣднія въ чуждую имъ область обыденныхъ удостовѣреній въ частномъ обращеніи людей. Правила книжниковъ и фарисеевъ относительно клятвы носятъ вообще на себѣ характеръ странности, свидѣтельствующей о крайне извращенномъ понятіи ихъ о клятвѣ. Такъ, они говорили напр., что если кто поклянется храмомъ, то ничего, а если кто поклянется золотомъ храма, то повиненъ; — также, если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего, если же кто поклянется даромъ, который на немъ, то повиненъ. Справедливо называя книжниковъ и фарисеевъ безумными и слѣпыми, и желая вывести ихъ изъ темнаго лабиринта безконечныхъ противорѣчій, въ которыя они впадали на каждомъ шагѣ, Господь спрашиваетъ ихъ: безумные и слѣпые! что больше, золото, или храмъ освящающій золото, — даръ, или жертвенникъ освящающій даръ ³⁷⁰⁾. Исправляя погрѣшность фарисеевъ во взглядѣ на клятву, Господь говоритъ имъ далѣе: кто клянется жертвенникомъ, клянется имъ и всѣмъ, что на немъ; и кто клянется храмомъ, клянется имъ и живущимъ въ немъ; и кто клянется небомъ, клянется престоломъ Божиимъ и сѣдящимъ на немъ ³⁷¹⁾. «Думаю, говоритъ Августинъ, что Иудеи, боясь часто произносить имя Божіе, изобрѣли особую форму клятвы, — клялись напр. небомъ, землею и другими не столь, по ихъ мнѣнію, важными предметами. Такой родъ клятвы они не боялись

367) Мат. 5, 33—37.

368) Исх. 20, 7. Лев. 19, 12.

369) Чис. 30, 3. Втор. 23, 21.

370) Мат. 23, 16—19.

371) Мат. 23, 20—22.

употреблять часто, при всякомъ случаѣ, въ пустыхъ и обыкновенныхъ разговорахъ, утверждали имъ ложь и нарушение его не считали грѣхомъ, потому что не было здѣсь примаго употребленія имени Божія»³⁷²). Потому то Господь и здѣсь какъ и въ предшествующемъ трактатѣ о разводѣ, опять восходитъ къ подлиннымъ законоположеніямъ Моисея, для того чтобы, очистивъ ихъ отъ примѣси позднѣйшаго перетолкованія въ преданіи, придать имъ свойственный имъ истинный смыслъ и значеніе и возвести ихъ на степень идеала.

Моментъ происхожденія клятвы относится къ первобытнымъ временамъ патриархальнаго періода³⁷³). Моисей засталъ клятву какъ древній обычай. Разсматривая ее какъ необходимое средство справедливаго окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ въ сферѣ общественной жизни³⁷⁴), Моисей, желая предупредить злоупотребленіе клятвою, оградилъ ее тремя предписаніями. α. Онъ запретилъ употребленіе ложной клятвы подъ опасеніемъ наказанія³⁷⁵), β. предписалъ свято выполнять клятвенные обѣты³⁷⁶); и, наконецъ, γ. опредѣлилъ клясться именемъ Господа³⁷⁷). И Христосъ идетъ далѣе Моисея въ законодательствѣ о клятвѣ, избѣгая Моисеевскую заповѣдь: ты не долженъ *ложно* клясться въ положеніе: ты *вовсе* не долженъ клясться, потому что Онъ смотритъ на клятву какъ на явленіе, вызванное лишь обманомъ, злоупотребленіемъ довѣрія, которое человекъ долженъ питать къ ближнему. «Но какъ это согласуется съ Моисеемъ? Можно сказать: какъ тамъ, въ законѣ о разводѣ, скрытое запрещеніе Моисея Господь возвысилъ тѣмъ, что снялъ покровъ *дозволенія*, такъ равно и здѣсь Онъ возвышаетъ скрытое запрещеніе Моисея, потому что ограниченіе клятвы Онъ ведетъ къ цѣли, къ уничтоженію. Но какъ Моисей своимъ закономъ о супружествѣ стремился не къ абсолютному положенію супружества, но къ образованію идеальнаго супружества, то и постановленіемъ о клятвѣ — не къ уничтоженію клятвы, но къ идеальной клятвѣ: да, да, пѣть, пѣть! То и другое предъ Богомъ. Такъ и Христосъ въ обоихъ случаяхъ хочетъ не голаго негатива, но скорѣе позитивнаго результата; слѣд. здѣсь идеальная клятва. Отсюда Онъ дѣлаетъ различіе между идеальной клят-

372) August. ib. Lib. 1. c. XVII.

373) Быт. 21, 23, 47, 31.

374) Исх. 22, 11. Евр. 6, 16. 18, 17. 18, 23. 21, 23.

375) Исх. 20, 7. Лев. 19, 12.

376) Чис. 30, 3.

377) Втор. 6, 13, 10, 20, 28, 28, 28.

вою и клятвою практическою»³⁷⁸). Перенесеніе судебной клятвы съ площади суда въ общественную жизнь не составляет, по Ланге, главнаго различія. Оно заключается скорѣе въ прибавочной (zusätzlich) клятвѣ и самопроклятіи. Клятвъ небу и землею, надъ которыми кленущійся не имѣетъ никакой власти, не должно быть потому что это превращаетъ клятву нѣкоторымъ образомъ въ проклятіе. Христіанинъ долженъ честностію и прямою пріобрѣтать такое довѣріе, чтобы одному слову его да или нѣтъ вѣрили также какъ и самой клятвѣ т. е. путемъ постепеннаго снискиванія довѣрія себѣ со стороны ближнихъ онъ долженъ стремиться къ идеальной клятвѣ. «Для христіанскаго государства, говоритъ Ланге, и христіанина какъ гражданина государства существуетъ здѣсь тотъ самый законъ аппроксимативнаго отношенія къ идеальному закону жизни, какъ и въ законодательствѣ о супружествѣ. Въ свободномъ личномъ отношеніи (Verhalten) должна сохраняться повозвѣстная точка зрѣнія³⁷⁹), въ государствѣ—стремленіе къ идеальности, въ отношеніи христіанскаго гражданина государства—смирненное подчиненіе»³⁸⁰). Это объясненіе подтверждается фактически примѣромъ Господа, который, по образу патріарховъ³⁸¹), кланется предъ синадріономъ³⁸²). Перекрещенцы, меннониты и квакеры смѣшивая личную идеальную—христіанскую точку зрѣнія съ государственною гражданскою, заблуждаютъ и въ томъ, что они вообще въ основаніи отрицаютъ педагогическую экономію христіанскаго государства, которая должна посредствомъ царство небесное, какъ Моисей и Креститель Христа,—заблуждаютъ, асч хотятъ вовсе уничтожить клятву въ мірѣ лжи и обмана. Отличительный характеръ идеальной клятвы состоитъ въ томъ, что истинность ея христіанинъ основываетъ на непоколебимомъ свидѣтельствѣ своей совѣсти, на сознаніи вездѣ—присутствія Божія. Примѣръ торжественнаго увѣренія, основаннаго на свидѣтельствѣ совѣсти, мы видимъ въ ап. Павлѣ³⁸³). Эта идеальная клятва христіанина имѣетъ свое основаніе въ клятвѣ самаго Бога³⁸⁴). Богъ кланется самимъ собою т. е. ссылается на свою абсолютную, личную самоувѣренность; и христіанинъ кланется предъ Богомъ, потому что онъ подтверждаетъ свое показаніе сознаніемъ присутствія Божія. За-

378) Ланге. Тамже. Стр. 75.

379) Іак. 5, 12.

380) Тамже. Стр. 75.

381) Быт. 21, 23, 24, 47, 31, 31, 31.

382) Мат. 26, 63—64.

383) Рим. 9, 1. 2 Кор. 11, 10.

384) Ис. 45, 23. Быт. 22, 16. 26, 3. Чис. 14, 23.

дача государства и здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы произвольное, прибавочное удостовѣреніе въ клятвѣ болѣе и болѣе видоизмѣнять сообразно евангелію и все свободнѣе признавать простое христіанское религиозное увѣреніе какъ клятву.

Но—само собою разумѣется—заповѣдью: **вовсе не клянись** Господь не запрещаетъ христіанину произносить клятву въ тѣ чрезвычайные моменты въ исторіи государства и церкви, когда онъ обязывается гражданскимъ закономъ напр. къ клятвѣ хранить вѣрность государю, потому что это также основывается на заповѣди повиновенія предрержащей власти. Господь запрещаетъ произвольныя клятвы, которыми нарушается заповѣдь о неприемлемости имени Господа Бога **всуге** ³⁸⁵). И такъ какъ плодомъ этихъ послѣднихъ бываетъ неуваженіе и даже нарушеніе законныхъ клятвъ, то Господь запрещаетъ клясться не только именемъ Божіимъ, но и **небомъ, какъ престоломъ Божіимъ, и землею, какъ подножіемъ ногъ Его, и Иерусалимомъ какъ городомъ царя великаго** ³⁸⁶), и головою, какъ премудрымъ дѣломъ Творца, потому что надъ всѣми этими предметами человекъ не имѣетъ никакой власти, такъ что онъ не можетъ сдѣлать даже ни одного волоса бѣлымъ или чернымъ. Для христіанина утвержденіемъ должно быть ей, ей; отрицаніемъ—нѣтъ, нѣтъ. Что сверхъ этого, то отъ лукаваго т. е. отъ діавола, какъ единогласно принимаютъ Златоустъ, Теофилактъ, Мейеръ и др.

Установивъ истинный взглядъ на перетолкованную книжниками и фарисеями заповѣдь не клянись, Господь противопоставляетъ затѣмъ ветхоз. праву равномѣрнаго возмездія высокую идею новоз. любви, фарисейзму—евангельскій принципъ,

Вы слышали, говорить Онъ, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься обижающему; но если кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, подставь ему и другую; и кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтанъ ³⁸⁷). И кто понудитъ тебя пройти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ. Просящему у тебя дай, и хотящаго занять у тебя не убѣгай. ³⁸⁸).

385) Исх. 20, 7.

386) Псал. 47, 3.

387) У Луки иначе 6, 29.

388) Мат. 5, 38—42. У Луки къ этому присоединяется еще: и отъ вѣншаго твое не требуй назадъ.

Право равномернаго возмездія, *jus talionis*, которое лежитъ въ основѣ закона вообще, выражено законодателемъ древней еврейской конституціи въ положеніи: глазъ—за глазъ, зубъ—за зубъ, рука—за руку, нога—за ногу, обожженіе—за обожженіе, рана—за рану, ушибъ—за ушибъ³⁸⁹). Обращая вниманіе на это положеніе законодателя, нельзя допустить, чтобы онъ, возводя его на степень закона, благоприятствовалъ тѣмъ самымъ страсти мщенія. Скорѣе путемъ равномернаго возмездія онъ стремился къ тому, чтобы во все погасить страсть мщенія въ жестокихъ сердцахъ своихъ современниковъ и положить конецъ тѣмъ горькимъ послѣдствіямъ, которыя составляютъ необходимое условіе всякой мести. Что Моисей, узаконяя право равномернаго возмездія, вовсе не благоприятствовалъ постыдной страсти мщенія, это видно изъ другаго положенія его, которое составляетъ рѣшительный противуѣсъ положенію *исх.* 21, 24—25 *Лев.* 24, 19 *Втор.* 19, 21: и да не отищаетъ рука твоя, говоритъ онъ, и да не враждуешь на сыны людей своихъ, и возлюбиши ближняго своего яко самъ себе³⁹⁰). Въ основѣ отрицательнаго узаконенія права равномернаго возмездія лежала поэтому положительная идея чистой святой любви къ ближнему, скрытое запрещеніе страсти мщенія вообще. Заповѣдуя вырывать глазъ за глазъ, законодатель имѣлъ цѣлю съ одной стороны удерживать человѣка отъ вырыванія глаза у ближняго страхомъ равномернаго возмездія, ему со стороны обиженнаго, и съ другой положить границы мщенію послѣдняго. Само собой понятно, что какъ ни высока была степень безумной страсти мщенія, боязнь лишиться собственнаго глаза удерживала человѣка отъ вырыванія чужаго. Это простой естественный законъ самосохраненія, который самъ собою удерживаетъ человѣка отъ страсти мщенія, превращая законъ ужасной мести³⁹¹), въ свѣтлую идею взаимной любви.

Съ другой стороны, изъ *Лев.* 19, 18 видно, что Моисей, узаконяя право равномернаго возмездія, не хотѣлъ дать чрезъ это правила для частной жизни. Это былъ судебный законъ, вошедшій впоследствии въ составъ греческихъ законовъ Солона и римскихъ 12-ти таблицъ. Что моисеевское право возмездія не могло быть руководящимъ правиломъ въ частной жизни, это видно изъ другихъ мѣстъ в. завѣта. Не рцы: имже образомъ сотвори ми, сот-

389) *Исх.* 21, 24—25. *Лев.* 24, 19. *Втор.* 19, 21.

390) *Лев.* 19, 18.

391) *Исх.* 21, 24—25.

ворю ему и азъ; отмщу ему, имже мѣ преобидѣ³⁹²⁾. Благо есть мнѣ, когда возметъ время въ юности своей, сядеть на одинѣ, и умолиеть, яко воздвигне на сѣ; подастъ ланиту бующему, насытится укоризнѣ³⁹³⁾.

Таковъ въ сущности первоначальный истинный характеръ моисеевскаго законо-положенія о правѣ равномернаго возмездія. Къ несчастію, книжники и фарисеи, подводя всё вообще предписанія закона подъ низкій уровень своего чувственного разумѣнія, низвели и это законоположеніе Моисея на степенъ цокровительсва мстительности и жестокости. Поэтому, въ противоположность фарисеизму, Господь развиваетъ свѣтлую идею чистой любви. Глазь—за глазь и зубъ—за зубъ, это—всегдашній законъ свѣтской власти, терпѣливое перенесеніе обидъ со стороны ближняго—вѣчный законъ христіанской любви, которая jus talionis превращаетъ въ принципъ прощенія, составляющаго отличительный характеръ евангелія. Законъ основывается на противленіи злему, на противопоставленіи силы силѣ: евангеліе—на принципѣ кроткой уступчивости, заповѣдующей не противиться злему.

Какъ же понимать выраженіе Господа: не противься злему? Что это за злое, которому не должно противиться?

Подъ злымъ³⁹⁴⁾ Златоустъ и Теофилактъ разумѣютъ діавола; Августинъ и Кальвинъ—несправедливость; Толюккъ—зло; де Веттне и Мейеръ—злаго челоуѣка. По нашему мнѣнію, выраженіе: не противься злему содержитъ въ себѣ ту простую истину, что христіанинъ не долженъ воздавать зломъ за зло, но—какъ объясняютъ эти слова ап. Павелъ—побѣждать благимъ злое³⁹⁵⁾. при томъ съ такимъ героическимъ терпѣніемъ и такою невозмутимую кротостию, чтобы при нанесеніи удара въ правую щеку обратить ударающему и лѣвую. Но почему Господь говоритъ объ ударѣ именно въ правую щеку, что, повидимому, неестественно, такъ какъ ударъ наносится обыкновенно правою рукою ударающаго въ лѣвую щеку удараемаго? Причина этого заключается въ томъ преимущественномъ значеніи, какое усвоаетъ лицу даже простой челоуѣческой смыслъ. Лице, какъ зеркало богоподобной души, есть одна изъ прекраснѣйшихъ частей челоуѣческаго организма, поль-

392) Прит. Сол. 24, 29.

393) Плачь Іер. 3, 27—30.

394) Тѣ поврѣщѣ.

395) Рим. 12, 21.

зующаяся особеннымъ предпочтеніемъ предъ другими частями тѣла. Наноса ударъ въ щеку, ударяющей оскорбляетъ этимъ одно изъ самыхъ дорогихъ челоѣку чувствъ—чувство чести, которое отцы церкви и разумѣютъ подѣ символомъ нанесенія удара въ правую щеку. Вотъ почему ударъ въ щеку во всѣ времена и у всѣхъ народовъ почитался самымъ тяжелымъ, самымъ несноснымъ оскорбленіемъ. Понятно, что говоря о нанесеніи удара въ щеку, Господь имѣлъ цѣлю показать своимъ слушателямъ и главнымъ образомъ ученикамъ, а въ лицѣ послѣднихъ, конечно, и намъ, что, какъ бы ни была велика наносимая намъ обида, она не должна нарушать въ нашемъ сердцѣ міра и любви съ ближними. Господь заповѣдуетъ христіанину, чтобы онъ, ради своего собственнаго блага и блага своихъ ближнихъ, съ любовію переносилъ всевозможные виды личныхъ оскорбленій и обидъ, жертвуя даже своею честью.

Эта любовь, выражающаяся въ терпѣливомъ перенесеніи обидъ³⁹⁶), всегда составляла отличительный признакъ истинныхъ членовъ благодатнаго царства Божія³⁹⁷). Но возможно ли заповѣдь о прощеніи обидъ исполнять буквально во всѣхъ случаяхъ жизни? Не ослабляется ли ею сила гражданскихъ законовъ, преслѣдующихъ наносимыя намъ обиды и оскорбленія?—Христіанинъ есть сынъ Отца небеснаго³⁹⁸), и причастникъ божественнаго естества³⁹⁹). Добро въ христіанинѣ есть образъ добра самаго первоисточника. Поэтому и любовь христіанина должна быть подобна любви Божіей. Но любовь Божія ограничиваетъ и наказываетъ зло съ одной стороны для пресѣченія самаго зла, съ другой—для блага людей. Отсюда и любовь христіанина должна терпѣть зло на столько, на сколько оно безвредно для славы Божіей и спасенія людей. Въ противномъ случаѣ любовь христіанина должна ограничивать и наказывать его. А такъ какъ не всякій христіанинъ можетъ быть орудіемъ осуществленія этой любви, то обязанность ограничивать и наказывать зло возлагается главнымъ образомъ на начальниковъ⁴⁰⁰), которые «принимаютъ на себя обязанность и трудъ защищать невинныхъ и наказаніемъ преступниковъ сохранять общественное благочиніе и безопасность. Не нарушается этою заповѣдью и обязанность государя объявлять войну и мечемъ защищать благоденствіе вѣранныхъ имъ народовъ отъ враговъ оте-

396) Мат. 5, 39.

397) Рим. 12, 19—21. 1 Сол. 5, 15. 1 Кор. 6, 7. 1 Петр. 3, 9.

398) Мат. 5, 49.

399) 2 Петр. 1, 4.

чества, потому что ихъ самъ Богъ облакаетъ этого властію и поручаетъ имъ служеніе сохранять вѣренныя имъ страны, а иногда разрушать другія печестивыя царства мечемъ и огнемъ, мѣра беззаконій которыхъ исполняется предъ очами Господа. Даже и въ личныхъ оскорбленіяхъ не запрещается частному человѣку судомъ наказывать оскорбителя, не изъ мщенія и ненависти къ нему, но для исправленія его самаго и другихъ, такъ какъ снисхожденіе и безнаказанность причинили бы ему еще большій вредъ, утвердивъ его въ злобѣ. Нужно только въ этомъ случаѣ строгое безпристрастіе и осмотрительность, чтобы къ огню не придать огня, и гасить его не масломъ, а водою: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь⁴⁰¹⁾.

Этотъ взглядъ на законное наказаніе оскорбителя имѣетъ основаніе въ св. писаніи. Ап. Павелъ называетъ начальниковъ слугами Божиими, грозными отмстителями дѣлающему злое⁴⁰²⁾. Христось заповѣдывалъ ученикамъ своимъ спасаться бѣгствомъ отъ притѣсненій и гоненій. Онъ самъ не всегда исполнялъ буквально заповѣдь о прощеніи обидъ. Такъ, когда одинъ изъ служителей первосвященника ударилъ его по щекѣ, Онъ не подставилъ ему другую, а отвѣчалъ: «если я сказалъ худо, докажи, что это худо; а если хорошо, за что ты бьешь меня⁴⁰³⁾». Ап. Павелъ въ случаѣ несправедливости, обращался за судомъ къ начальству⁴⁰⁴⁾, и первосвященнику, велѣвшему бить его по устамя, отвѣчалъ съ укоризною, называя его стѣною подбѣденною⁴⁰⁵⁾.

Въ связи съ заповѣдію о терпѣливомъ перенесеніи обидъ Господь поставляетъ заповѣдь о готовности жертвовать всею своимъ достояніемъ до послѣдняго остатка, если это необходимо для мира и спокойствія сердца.

И кто захочетъ судиться съ тобою, говоритъ онъ, и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтанъ.

Иудеи носили двѣ одежды. Нижняя⁴⁰⁶⁾ покрывала все тѣло

400) Рим. 13, 1—4.

401) Рим. 12, 19. Филаретъ. Тамже. Стр. 117.

402) Рим. 13, 4.

403) Иоан. 18, 22—23.

404) Дѣян. 16, 35—40. 22, 23—29. 25, 9—11.

405) Дѣян. 23, 2—4.

406) Рубашка или туника, χιτών.

до колѣнъ. При выходѣ изъ дому сверху ея накидывалась широкая верхняя, похожая на мантилью ⁴⁰⁷⁾. Эта послѣдняя служила ночью вмѣсто одѣяла и потому удерживать ее ночью какъ залогъ никто не имѣлъ права ⁴⁰⁸⁾. Но Господь заповѣдуетъ христіанину отдать хотящему судиться и нижнюю и верхнюю одежду, повелѣваетъ лучше остаться безъ ночнаго покрывала, подвергнуться разрушительному вліянію ночнаго холода, лишь бы сохранить миръ съ ближнимъ. Такъ велики должны быть и нравственныя и матеріальныя жертвы, необходимыя для сохраненія мира съ ближнимъ!...

«Чтожь, ужели мнѣ ходить нагому скажешь ты, говорить Златоустъ! Не были бы мы наги, если бы въ точности исполняли эти повелѣнія, напротивъ еще были бы гораздо лучше всѣхъ одѣты. Во первыхъ потому, что никто не нападетъ на человѣка, имѣющаго такое расположеніе духа, а во вторыхъ, если бы и нашелся кто столько жестокой и немилосердый, что дерзнулъ бы и на это, то безъ сомнѣнія еще болѣе бы нашлось такихъ, которые человѣка, возшедшаго на такую степень любомудрія, покрыли бы не только одеждою, но, если бы возможно было, и самую плотію своею, ⁴⁰⁹⁾. Впрочемъ, заповѣдь эту должно принимать съ ограниченіемъ т. е. что ею не исключается законная защита собственности, равно какъ и судебный искъ. Ап. Павелъ, узнавъ что въ коринѣской церкви происходятъ тяжбы, не исключаетъ ихъ совершенно; онъ говоритъ только коринѣянамъ: почему бы вамъ лучше не остаться обиженными, вмѣсто того, чтобы обижать другихъ и притомъ братьевъ ⁴¹⁰⁾?

Таже идея мудрой уступчивости заключается и въ слѣдующихъ словахъ Господа: и кто понудитъ тебя пройти съ нимъ одну версту, иди съ нимъ двѣ.

Выраженіе *понудитъ* есть переводъ греч. ἀγγαρεύει, лат. angariaverit, еврейс. iggeret. Выраженіе это—персидскаго происхожденія, перешедшее впоследствии и въ господствующіе языки древности—греческій, латинскій и арамейскій. Ангарами назывались въ Персіи царскіе вѣстники, курьеры, обязанность которыхъ состояла въ развозкѣ и обнародованіи царскихъ указовъ во всѣхъ

407) ἱμάτιον.

408) Исх. 22, 26.

409) Злат. Тамже. Стр 372—373.

410) 1 Кор. 6, 6—8.

провинціяхъ имперіи, даже самыхъ отдаленныхъ. Эти—то ангары, но свидѣтельству Геродота и Ксенофонта, на основаніи изданныхъ Киромъ почтовыхъ законовъ, имѣли право брать съ собою на пути перваго встрѣтившагося имъ человѣка, если онъ необходимъ былъ для оказанія имъ помощи. Они перѣдко отличались жестокостію, которую испытали и іудеи во время несчастныхъ сношеній съ царями персидскими, сирійскими и др. Заимствованное отсюда Господомъ выраженіе имѣетъ здѣсь общій смыслъ. Оно означаетъ всякаго человѣка, поставленнаго на пути силою неблагоприятныхъ обстоятельствъ въ необходимость прибѣгнуть къ помощи ближняго, съ которымъ Господь и заповѣдуетъ пройти не одну, а двѣ версты, даже въ томъ случаѣ, если бы это было насиліе со стороны нуждающагося въ помощи ближняго.

Заключительныя слова Господа просящему у тебя дай, и хотящаго занять у тебя не убѣгай—служать дополненіемъ той основной мысли, что любовь христіанина должна удовлетворять какъ духовнымъ, такъ и вѣщественнымъ нуждамъ ближняго, должна выражаться во всевозможныхъ видахъ обнаруженія, должна жертвовать для него всѣмъ, что дорого нашему сердцу, даже въ томъ случаѣ, если мы не надѣемся обратно получить отъ него это дорогое... Впрочемъ и эту заповѣдь нельзя принимать безусловно. Сила заповѣди состоитъ въ готовности удовлетворять истиннымъ, законнымъ потребностямъ и нуждамъ ближняго. Но—само собою разумѣется—было бы вовсе несогласно съ идеею христіанской любви подать ножъ убійцѣ, или ядъ человѣку, рѣшившемуся на самоубійство.

Параллелизируя ученіе свое съ ученіемъ в. завѣта, Господь переходитъ, наконецъ, къ изображенію истинно-христіанской, чистой, безкорыстной любви ко врагамъ, составляющей прямой контрастъ эгоистической любви ветхозавѣтнаго человѣчества, которое любило ближняго и въ тоже время ненавидѣло врага.

Вы слышали, говорить Господь, яко речено *есть*: Люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте кланущихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ: да будете сынами Отца вашего небеснаго; потому что онъ велитъ восходить солнцу своему надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ ⁴¹¹).

Какъ предыдущее отрицательное положеніе о терпѣливомъ перенесеніи обидъ не безусловно, такъ равно и это положительное правило объ отношеніи христіанина къ насилию и оскорбленію имѣеть свои ограниченія. Христіанинъ долженъ быть подобенъ Отцу небесному. Принципомъ уподобленія Ему должна быть безкорыстная любовь къ причиняющимъ зло. Любовь Божія не ограничивается извѣстнымъ классомъ тварей: Богъ любитъ все сотворенное ⁴¹²). Но при этой любви не разлученъ гнѣвъ Божій на всякое нечестіе и неправду людей, подавляющихъ истину неправдою ⁴¹³). Такъ точно и любовь христіанина ко врагамъ не исключаетъ гнѣва и ненависти къ неправдѣ, она не отрицаетъ обличеній и укоризнъ, если требуетъ того слава Божія и спасеніе ближнихъ. Богъ, выражая любовь свою въ отношеніи къ нечестивымъ то въ благодати, то въ кротости, то въ долготерпѣнн, въ тоже время угрожаетъ имъ гнѣвомъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда ⁴¹⁴). Отсюда и любовь христіанина ко врагамъ должна выражаться во всевозможныхъ видахъ: то въ молитвѣ и благотворительности, то въ ревности къ славѣ Божіей и наказаніи, то въ угрозахъ и обличеніяхъ и т. п. Такъ какъ любовь Божія неразлучна съ святостію, то и рѣчи самаго І. Христа, направленныя противъ враговъ, не всегда дышали любовію. Самъ онъ и его апостолы нерѣдко обращались ко врагамъ своимъ съ словомъ грознымъ, обличительнымъ. Вся на крестѣ, І. Христосъ горячо молился за своихъ распинателей, взывая: Отче! прости имъ; ибо не знаемъ, что дѣлають ⁴¹⁵), а въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: не молю о мірѣ ⁴¹⁶). Въ рѣчи противъ книжниковъ и фарисеевъ онъ обращается къ нимъ съ такими словами: змѣи, порожденія ехиднины! какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну ⁴¹⁷)? На преслѣдованія и оскорбленія враговъ онъ часто отвѣчалъ угрозами и обличеніями ⁴¹⁸). Ап. Павелъ предаеть анаемѣ того, кто будетъ благовѣствовать не то, что онъ благовѣствовалъ, хотя бы это былъ ангелъ ⁴¹⁹). Коринѣскаго кровосемѣника онъ предаеть сатанѣ на погубленіе плоти, дабы духъ спасенъ былъ ⁴²⁰). Онъ желаетъ, чтобы Господь

412) Прем. Сол. 11, 25.

413) Рим. 1, 18.

414) Рим. 2, 4—5.

415) Лук. 23, 34.

416) Иоан. 17, 9.

417) Мат. 23, 33.

418) Мат. 16, 3—4. Иоан. 8, 41. Мат. 10, 33. 11, 20. 12, 34.

419) Гал. 1, 8.

420) 1 Кор. 5, 5.

вс задалъ Александру кузнецу, надѣлавшему много зла ему, по дѣламъ его ⁴²¹). Иоаннъ Богословъ не заповѣдуетъ молиться за согрѣшившаго къ смерти ⁴²²). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: кто приходитъ къ вамъ, и не приноситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ, и не привѣтствуйте его. Ибо привѣтствующій его, участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его ⁴²³). — Всѣ эти примѣры, взятые изъ образа дѣйствій и ученія І. Христа и Его апостоловъ, говорятъ за то, что заповѣдь о любви ко врагамъ должно понимать съ ограниченіемъ т. е. что она не исключаетъ наказаній, обличеній, угрозъ и т. п. Но само собой разумѣется—истинная любовь ко врагамъ—въ какихъ бы формахъ она ни проявлялась—всегда остается любовью.

Заповѣдь Моисея: люби ближняго твоего ашацета legeshaка ⁴²⁴) —заповѣдь универсальная, всеобъемлющая, безусловная. Ближній, какъ предметъ любви, есть, по смыслу моисеевской заповѣди, всякій человекъ, кто бы онъ ни былъ, іудей ⁴²⁵) или язычникъ ⁴²⁶), другъ или врагъ ⁴²⁷). Если такъ, если законъ Моисеевъ заповѣдалъ любить враговъ и благотворить имъ; то какъ объяснить въ цитуемой Господомъ изъ в. завѣта заповѣди: слышасте, яко речено *есть*: люби ближняго твоего, слова: *и ненавидь врага твоего*? Быть можетъ заповѣдь о ненависти ко врагу естественно вытекала изъ повелѣнія Божія относительно истребленія хананеевъ ⁴²⁸), какъ утверждаетъ Гроцій? Но это повелѣніе слишкомъ частно, для того чтобы на основаніи его можно было заключать о существованіи въ в. завѣтѣ положительной заповѣди о ненависти ко врагу, — оно было еократическою мѣрою только относительно ханаанскаго язычества и относительно отдѣльных хананеевъ какъ такихъ. При томъ же повелѣніе объ истребленіи хананеевъ вызвано было со стороны Бога крайнимъ нечестіемъ и беззаконіемъ ихъ ⁴²⁹). Хананеевъ карае правда Божія; а гдѣ караетъ правда Божія, тамъ любовь остается любовью; слѣд. повелѣніе объ истребленіи хананеевъ не противорѣчитъ любви.—Заповѣдь о ненависти ко врагу

421) 2 Тим. 4, 14.

422) 1 Иоан. 5, 16.

423) 2 Иоан. 10, 11.

424) Лев. 19, 17—18.

425) Лев. 19, 11—18.

426) Втор. 23, 7—8. Лев. 19, 33—34. 3 Цар. 8, 41—44.

427) Исх. 23, 4—5. Лев. 19, 18. Втор. 23, 7—9.

428) Втор. 7; 20, 13—17.

429) Втор. 9, 5.

не могла вытекать и изъ Моисеева законоположенія о правѣ возмездія ⁴³⁰), какъ этого хотять нѣкоторые; потому что, узаконяя послѣднее, Моисей имѣлъ цѣлю уничтожить мщеніе въ средѣ еврейской націи, а отнюдь не содѣйствовать развитію его, какъ это видно изъ положительной заповѣди, воспрещающей мщеніе ⁴³¹). Вообще въ узаконеніи права возмездія видна отеческая попечительность законодателя удержать іудеевъ отъ жестокаго и безчеловѣчнаго мщенія. Притомъ же право возмездія предписывалось закономъ не какъ безусловное, необходимое, а какъ чрезвычайное. Поэтому оно находилось въ рукахъ не частныхъ лицъ, а въ рукахъ судей ⁴³²). Слѣд. право возмездія было выраженіемъ закона правды, изъ котораго никакъ не могла вытекать заповѣдь о ненависти ко врагу. Моисей, напротивъ, положилъ въ своемъ законодательствѣ прочное основаніе любви къ *ближнему вообще*. Какъ туземецъ между вами да будетъ для васъ чужой, и люби ты его, какъ самага себя: ибо чужестранцами были вы въ землѣ египетской ⁴³³), говоритъ онъ. Заповѣдь ясна и опредѣленна: въ ней указывается и мѣра любви къ ближнему, которая должна быть мѣрою собственнаго себялюбія, и побужденія для любви къ нему. Мало того: законъ Моисеевъ заповѣдуетъ любить и благотворить даже врагу: когда ты выступишь станомъ на враговъ твоихъ, то берегись всякой дурной вещи ⁴³⁴), когда нападешь на вола врага твоего, или на осла его, заблудившагося, то тутъ же возврати его къ нему. Когда увидишь, что оселъ врага твоего лежитъ подъ ношею своею и тебѣ хотѣлось бы отказаться отъ развьючиванія его: то ты тутъ же развьючивай, вмѣстѣ съ нимъ ⁴³⁵) и пр. Конечно, предписанія законодателя о благотворительности и любви ко врагу неясны и не опредѣлены. Но они имѣютъ все—таки важное значеніе, потому что, указывая съ одной стороны на отсутствіе въ законѣ Моисеевомъ заповѣди о ненависти ко врагу, они ручаются съ другой—за существованіе въ немъ, по крайней мѣрѣ зародыша заповѣди о любви къ нему.

(Продолженіе слѣдуетъ).

430) Втор. 19, 21.

431) Лев. 19, 18.

432) Втор. 19, 16—19.

433) Лев. 19, 34.

434) Втор. 23, 10.

435) Исх. 23, 4—5.

ИЗВѢСТІЕ.

СРЕДСТВО ОТЪ КОКЛЮША *).

Въ нынѣшнемъ году эпидемически свирѣпствовали и свирѣпствуетъ еще въ нашей мѣстности *коклюшъ*. Имъ заболѣваютъ и страдаютъ не только дѣти до десятилѣтняго возраста, но и достигшіе лѣтъ 18-ти. Всякія лекарства такъ ничтожны въ коклюшѣ, что докторъ Ряттеръ (*Врачъ, какъ другъ дома*, стр. 300) справедливо выразился объ этой болѣзни: «безъ доктора коклюшъ продолжаетъ двѣнадцать недѣль, а съ докторомъ — тринадцать». Заболѣли и у меня на коклюшъ пятеро дѣтей, 10, 8, 5, 3 лѣтъ, одна трехмѣсяцевъ, и слуга — 16 лѣтъ. Приступы болѣзни были такъ сильны, что дѣти кашляли почти всегда съ кровью, или при семь кровь шла изъ носа, глазъ и ушей; такъ какъ въ Велижѣ дѣти умирали отъ коклюша, то въ жизни двоихъ изъ своихъ дочерей, 8-милѣтней и 3-хъ мѣсячной, я совершенно отчаявался. Все, что пашлось у велижскихъ докторовъ и въ велижскихъ аптекахъ, было испробовано, и ничто не помогало. Семейная обстановка сдѣлалась весьма печальна.

Случайно въ дорогѣ одинъ простой человекъ сказалъ мнѣ, что хорошее лекарство противъ коклюша составляетъ *попутникъ* большой, припутникъ, трипутникъ. Онъ въ изобиліи растетъ вездѣ на подворьяхъ и по дорогамъ, особенно заброшеннымъ: корень его отгрызенный; а мочки прямая; листья яйцевидные, голые, жилистые; цвѣты образуютъ цилиндрической колось, съ сѣменами, яйцевидными, составляющими пріятный кормъ для пѣвчихъ птицъ. Признаться, на слово я не повѣрилъ своему совѣтнику и справился объ этой травѣ въ имѣющемся у меня лекарственномъ травникѣ (Двигубскаго), откуда узналъ, что попутникъ пользуется, между прочимъ, отъ кровотеченій и кровохарканія; слѣдов., попробовать можно заключилъ я. Тотчасъ собрали его на подворьи, заварили кипяткомъ (корень, листья и цвѣтъ; по—преимуществу пользуется цвѣтъ) въ чайникъ, хорошо настояли и дали дѣтямъ по чайной

*) Мы имѣли уже нѣсколько случаевъ, по полученіи корреспонденціи, проверить заявленіе о. корреспондента: рекомендуемое имъ средство противъ коклюша оказывается вѣрнымъ и рѣшительнымъ. Спѣшимъ передать о. корреспонденту признательность воспользовавшихся его совѣтомъ семействъ.

чашкѣ, даже и трехмѣсячной чрезъ рожокъ съ молокомъ. Съ этихъ первыхъ пріемовъ, такъ—сказать, сразу коклюшъ отступилъ отъ всѣхъ моихъ дѣтей; легкій кашель оставался на нѣкоторое время, но то, что называется коклюшъ, совершенно уничтожилось съ перваго дня, и больныхъ въ домѣ не чувствовалось. При этомъ очень отраднo еще и то, что дѣти съ удовольствіемъ пьютъ отваръ попутника, тогда—какъ всякихъ другихъ лекарствъ, даже совѣтуемой въ сей болѣзни сахарной воды, отвращаются. Сами же и собираютъ для себя попутникъ.

Отъ души желаю, чтобы обращено было заслуженное вниманіе на целебное свойство попутника; отваривать его можно и сырой и сушеный, и лучше кипятить въ кострюль до жидкаго киселя, и на чайную чашку полагать пашатырю (*Sal ammoniacum*) на концѣ дерочиннаго ножа.

Священникъ Михаилъ Красавицкій.

Пожертванія въ Вор. Епарх. жен. Училище

Въ Сент. мѣсяцѣ отъ свящ. Іакова Попова, сл. Алексѣевки Бир. у., дано для сиротъ Училища 5 руб.

Отъ жены свящ. сл. Ржевки Остр. у. Ѳедора Лукина, пожертвовано болѣе 20 арш. холста.

Подарено въ Уч. библіотеку наставникомъ В. А. Маврицкимъ «Руководство къ воспитанію и обученію дѣтей. Лядова».

Прот. **Ө. Никонъ**
Свящ. **І. Адамовъ**.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **Н. Палицынъ**.
Сентября 31-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи Н. Д. Гольдштейнъ.